

Особенности легализации судебной практики в Российской Федерации

Кулик О. В.,

ведущий эксперт Департамента государственной службы и кадров МВД России, адъюнкт кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: hoigel@gmail.com

***Аннотация.** В статье раскрывается специфика судебной практики как особого вида правовой практики и определяется ее значение для развития правовых систем и права в целом. Анализируется влияние судебной практики на правотворчество в различных правовых системах, включая российскую, и воплощение судебной практики в соответствующих источниках (формах) права, т.е. ее легализация. На основе проведенного анализа делаются выводы об особенностях и формах легализации судебной практики. Отдельно рассматриваются полномочия судебных и иных государственных органов, определяющие их роль для легализации судебной практики, на примере Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** право, правовое регулирование, правотворчество, правосудие, правовая практика, судебная практика, легализация, легализация правовой практики, правоприменение.*

Существование современного демократического правового государства не представляется возможным без функционирования эффективной независимой судебной системы. Необходимость наличия и обособленности судебной власти, представленной судами различных юрисдикций и инстанций, составляет уже не предмет научных дискуссий, а скорее догму государственного строительства и формирования правовой системы современных государств.

С давних времен правосудие является важнейшей составляющей жизни общества, позволяет разрешать возникающие в нем споры и оценивать поступки отдельных его членов¹. Это в полной мере обеспечивает охрану и реализацию прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, существенно сказывается на состоянии законности². Защита участниками общественных отношений в судебных органах своих прав и свобод составляет особую часть правовой жизни общества, поскольку именно через эту деятельность формируется значительный пласт правовой практики, состоящей из совокупности юридически значимых действий, совершаемых как самим судом, так

и сторонами судебных процессов (гражданами, юридическими лицами, органами государственной и муниципальной власти, представителями юридического сообщества различного уровня и направленностей — адвокатами, экспертами и специалистами, учеными). Кроме того, при наличии общественного резонанса к рассмотрению дел судами нередко подключаются третьи лица и представители средств массовой информации³. Сегодня также следует учитывать, что возросшая роль международного права и процессы глобализации и региональной интеграции и вовсе выводят правосудие за рамки одного государства⁴.

Таким образом, правовая практика, складывающаяся в процессе правосудия, отличается своей уникальной спецификой и занимает особое место в правовой системе, что позволяет выделить ее в отдельный вид правовой практики — судебную практику. Представляя собой разновидность правоприменения, по своей природе и содержанию судебная практика не только наиболее многогранно отражает реализацию права, но и его формирование и развитие. В связи с этим не удивительно, что в работах западных ученых-юристов значительное внимание

¹ См.: Курсаев А.В. Уголовно-правовая характеристика способов неуважения к суду (по материалам судебной практики) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 69.

² Солуков А.А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование. Смоленск: Граница, 2016. С. 139-143.

³ См.: Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия (Le gardien des promesses justice et democratie). М.: «Nota Bene» Медиа Трейд Компания, 2004.

⁴ См.: Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. С. 303-318.

уделяется изучению именно судебной практики. Так, по мнению М. ван Хука, «основной отправной точкой следует считать то, что право — не что-то созданное в определенный период времени, а после создания просто “применяемое” официальными органами, гражданами и судебными органами в конкретных судебных делах. Право находится в постоянном процессе создания, адаптации и развития в правовой практике, и больше всего этим заняты судьи»⁵.

В российской правовой науке, несмотря на настороженное отношение большинства правоведов к вопросу судебного усмотрения⁶, признается тот факт, что в любой правовой системе функционирование судов предполагает наличие у судей не просто специальных, а особых квалификации и полномочий, в связи с чем осуществление правосудия можно рассматривать как своего рода высшую форму правотворчества.

Судебная практика формируется в рамках судебных процессов, которые хоть и опираются на действующие правовые предписания, предполагают значительную интеллектуальную составляющую деятельность судьи и участников процесса и их коммуникацию, что придает судебной практике особую ценность. «Право в книгах» становится тем самым «правом в действии», о котором говорил Р. Паунд⁷. В идеальных условиях такое «живое право» в последующем находит свое отражение в признаваемых в конкретной правовой системе источниках (формах права). В этом случае можно говорить о легализации судебной практики⁸. При этом необходимо понимать, что в зависимости от правовой системы, в которой осуществляется легализация судебной практики, будет различаться и ее конечный результат. Так, в государствах, правовые системы которых принадлежат к англо-американской правовой семье, вынесение судьей решения по новому делу может автоматически легализовать судебную практику в особом источнике (форме) права — судебном прецеденте. Отметим, что понятия «судебная практика» и «судебный

прецедент» здесь не являются тождественными, что важно в контексте легализации правовой практики. Судебная практика является более широким понятием и включает в себя деятельность судов различных инстанций по рассмотрению правовых споров, а также совокупность принятых судами решений, их обобщение и толкование⁹, не все из которых обязательно легализуются. Судебный же прецедент, являясь частным случаем судебной практики, уже представляет собой источник (форму) права и в легализации не нуждается. При этом примечательно, что, например, в Великобритании, судебный прецедент в качестве источника (формы) права служит не только для разрешения правовых споров, но и составляет основу конституционного устройства¹⁰. Одновременно оговоримся, что не являются в приведенном значении судебной практикой различного рода локальные правовые акты судебных органов, регламентирующие их внутреннюю деятельность. Такие документы являются самостоятельным источником (формой) права, на принятие которых у судов имеются специальные правотворческие полномочия, и не связаны с отправлением правосудия.

Если место судебной практики в системе источников (форм) права в государствах, относящихся к англо-американской правовой семье, представляется очевидным, то по отношению к государствам романо-германской (континентальной) правовой семьи данный вопрос до настоящего времени является предметом дискуссии, которой посвящено немало исследований¹¹. К таким государствам романо-германской правовой семьи относятся и Российская Федерация. Применительно к отечественной правовой действительности

⁵ Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, Университетский издательский консорциум, 2012. С. 86.

⁶ См.: Корнев А.В. Свобода судебного усмотрения: от прошлого к современности // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 262-264.

⁷ Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012. С. 127-128.

⁸ Кулик О.В. К вопросу о понятии «легализация правовой практики» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3(39). С. 41-42.

⁹ Гук П.А. Судебный прецедент как источник права: Дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 27-39; Маркин С.В. Судебный прецедент как источник международного частного права: Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград. С. 80-100.

¹⁰ Клименко А.И. Основные сегменты в структуре правовой идеологии на национальном и международных уровнях // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 83.

¹¹ См. например: Железнова Н.Д. Правопонимание и судебная практика: Теоретические проблемы взаимодействия. Дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001; Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003; Войтович Е.П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования: Дисс. канд. юрид. наук. Томск, 2006; Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ. Дисс. д.ю.н. М., 2012; Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: Дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015.

в различное время можно встретить диаметрально противоположенные мнения о месте судебной практики среди источников (форм права). Так, еще Л.И. Петражицкий отмечал, что: «Многие считают судебную практику особым источником права (видом позитивного права), наравне с обычным правом и законами. Другие, не отрицая значения судебной практики как источника права, подводят ее под обычное право и считают ее особым видом обычного права. Некоторые же вообще отрицают значение судебной практики как источника права, указывая, что задача судов вообще состоит не в создании, а в применении действующего права»¹². М.М. Исаев полагал, что одним из источников советского уголовного права были разъяснения Пленума Верховного Суда СССР.¹³ В работах А.В. Наумова в различное время разъяснения Верховного Суда РФ сначала признавались прецедентным источником уголовного права¹⁴, а позже им отводится уже только роль официального судебного толкования¹⁵. По мнению С.С. Алексеева: «... настала пора вообще изменить наше видение правосудия, интерпретацию его назначения как одного лишь “применителя права”. Опыт развитых демократических стран, причем не только англо-американской группы, свидетельствует, что высокий уровень правового развития достигается в обществе тогда, когда суд опирается на Конституцию, закон, на общепризнанные права человека, также и творит право. Поэтому придание решениям высших судебных инстанций страны функций судебного прецедента представляется делом назревшим, вполне оправданным»¹⁶. По утверждению И.Б. Михайловской, современное понимание самостоятельности судебной власти предопределяет тот факт, что судебные решения обладают силой закона¹⁷.

Научная дискуссия в данном направлении продолжается и в настоящее время. Однако

из соотношения теоретических обоснований¹⁸ с российской правовой действительностью скорее следует вывод о том, что судебная практика в различных отраслях российского права хоть и играет значительную роль, но официальным источником (формой) права все же не является. Эта роль отводится прежде всего нормативным правовым актам¹⁹. В связи с этим обратимся к содержанию нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, устанавливающих полномочия судов различных инстанций и правовой статус их решений. В этом отношении процедура российского судопроизводства достаточно формализована²⁰.

Часть 1 ст. 104 Конституции РФ наделяет Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ правом законодательной инициативы по вопросам их ведения. Кроме того, ст. 125 и 126 Конституции РФ содержат общие положения о компетенции высших судебных инстанций Российской Федерации. Более подробно полномочия КС РФ раскрыты в ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», основными из которых в вопросе возможного правотворчества являются: разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы, Федерального Собрания РФ, Президента РФ, Правительства РФ, конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ. Помимо этого КС РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного в конкретном деле; по запросам судов проверяет конституционность закона, подлежащего применению соответствующим судом в конкретном деле, а также дает толкование Конституции РФ.

По итогам рассмотрения дел по данной

¹² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 т. СПб., 1909-1910. Т. 1. С. 567.

¹³ Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВИЮН. М., 1947. Вып. 5. С. 84.

¹⁴ Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8-11.

¹⁵ Наумов А.В. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2. С. 59-63.

¹⁶ Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 219.

¹⁷ Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008. С. 41.

¹⁸ См.: Рожнов А.П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1(16). С. 127.

¹⁹ Лысенко В.А., Крамской И.С., Рязанова Н.А. Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 204-207.

²⁰ Правкина И.Н. Правовые стратегии в сфере правосудия // Реформационный романтизм и правовая реальность: к 150-летию введения в действие Судебных уставов Александра II: сборник материалов Первой международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына (13.12.2016) / Под ред. А.Г. Мамонтова, А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. М.: Московский университет МВД России, 2017. С. 161-171.

компетенции КС РФ может принять решение о признании нормативного акта или его отдельных положений соответствующими Конституции РФ; о признании нормативного акта или отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании; о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции РФ. Интересно, что в последнем случае установленное противоречие Конституции РФ является основанием для отмены не только обжалуемых нормативных правовых актов, но и других основанных на них документов.

Подобная ситуация представляет собой своего рода парадокс, поскольку, несмотря на то, что сами судебные решения не имеют официального статуса источника (формы) права, они не просто исполняются соответствующими государственными органами и их должностными лицами и таким образом легализуются, а сами по себе выступают в качестве правового основания для правотворчества. В этом отношении они в своем роде уподобляются нормам законов, предполагающих необходимость издания подзаконных нормативных правовых актов. Тезис о том, что до момента внесения изменений в нормативный правовой акт действует норма, содержащаяся в судебном решении, обоснован в частности в работах М.Н. Марченко²¹. А М.В. Баглай (председатель КС РФ с 1997 г. по 2003 г.) описал эту ситуацию подобным образом: «Формально Конституционный Суд не наделен нормотворческими полномочиями, и поэтому его постановления и определения как бы не являются самостоятельным источником права, подобно законодательным актам. Но, давая толкование конституционных норм и формулируя правовые позиции по рассматриваемым им вопросам, он развивает законодательство и дополняет действующие источники конституционного права. В связи с этим более верно теоретически считать, что постановления Конституционного Суда являются источниками права»²².

В качестве примера приведем постановление КС РФ от 10.02.2015 № 1-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 43 Федерального закона “О полиции” в связи с жалобой гражданина П.Ф. Юхименко», повлекшее за собой внесение изменений в ч. 6 ст. 43 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», которая была признана неконституционной в той мере, в какой содержащаяся в ней норма служит основанием для отказа в предоставлении

ежемесячной денежной компенсации тем сотрудникам органов внутренних дел — инвалидам вследствие военной травмы, которым назначена пенсия за выслугу лет, выплачиваемая с учетом увеличения, предусмотренного п. «а» ст. 16 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Постановлением КС РФ от 02.03.2014 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерова, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина» не соответствующим Конституции РФ признано положение п. 7 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе). В результате указанная норма была изложена в редакции, гораздо менее категоричной, чем предыдущая, и предполагающей, что сотрудник органов внутренних дел теперь подлежит увольнению со службы только в связи с прекращением в отношении него уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом. А учитывая необходимость приведения положений законодательных актов в соответствие друг другу, аналогичным изменениям подверглись и ст. 14 и 17 Закона о службе.

Говоря о толковании Конституции РФ Конституционным Судом РФ, отметим, что согласно ст. 106 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» оно является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Таким образом, судебная практика КС РФ по толкованию Конституции РФ определенным образом расширяет и детализирует правовые предписания основного закона государства.

²¹ Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2007. С. 485.

²² Баглай М.Р. И на «нет» суд есть. Конституционный // РГ. 2001. 29 мая. С. 3.

Полномочия Верховного Суда РФ конкретизированы в ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Среди них представляют интерес: рассмотрение в качестве суда первой инстанции административных дел об оспаривании нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Центрального банка РФ, Центральной избирательной комиссии РФ, государственных внебюджетных фондов, в том числе Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, государственных корпораций, а также обращение в Конституционный Суд РФ с запросами о проверке конституционности законов, иных нормативных правовых актов и договоров либо с запросом о проверке конституционности закона, подлежащего применению в деле, рассматриваемом им в любой инстанции. Реализуя указанные полномочия, Верховный Суд РФ может признать оспариваемые нормативные правовые акты недействующими полностью или в части.

Отдельно следует остановиться на полномочиях Верховного Суда РФ по выработке разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения, направленных на обеспечение единообразного применения законодательства РФ, оформляемых в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по рассмотрению определенной категории дел. Последние документы выступают для нижестоящих судов, федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц своего рода ориентирами для повседневного правоприменения²³. В ряде случаев постановления Пленума ВС РФ могут формулировать «правовые правила в случае установления пробела в законе для его преодоления»²⁴. Кроме того, полномочиями по рассмотрению административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, органов государственной власти субъектов РФ, представительных органов муниципальных образований в силу ст. 20 Кодекса административного судопроизводства РФ наделены верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и суды автономного округа.

²³ См.: Керимов Д. А. Толкование законодательства // Право и образование. 2002. № 3. С. 93.

²⁴ Гук П. А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. 2016. № 7. С. 23.

Подробный анализ содержания нормативных правовых актов на предмет закрепления правотворческих полномочий судов и развернувшейся вокруг это вопроса дискуссии предложен П. А. Гуком, который, суммируя все аргументы «за» и «против», все же высказывается о том, что, несмотря на то, что «... формы судебного нормотворчества в виде прецедента, судебной практики, правовых позиций высших судебных органов фактически выступают регулятором общественных отношений, преодолевают законодательные пробелы и способствуют реализации конституционного принципа судебной защиты»²⁵, законодательного признания судебное правотворчество в Российской Федерации не получило²⁶. В этом отношении интересной представляется позиция А. Н. Верещагина, согласно которой для существования судебной практики как полноценного источника (формы) права, является недостаточным одного лишь наличия правовой базы судебного правотворчества. В качестве еще одного важного аспекта автором выделяется проблема его пределов, которые варьируются не только в различных правовых семьях, но и внутри одной правовой семьи, что на практике выражается в том, что американские судьи чаще, чем британские принимают во внимание соображения правовой политики²⁷. Учитывая, что в российской социальной действительности и правовой жизни осуществление правосудия чаще всего ассоциируется с продолжением деятельности органов законодательной и исполнительной власти²⁸, а также прокуратуры РФ²⁹, возникает вопрос о целесообразности признания судов самостоятельными субъектами правотворчества. Более того, отсутствие у судебных органов компетенции по созданию норм права и одновременное влияние судебной практики на толкование правовых предписаний и правоприменение органично вписывается в принцип разделения властей, при котором правосудию отведена роль арбитра между законодательной и исполнительной властями³⁰.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ См.: Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М.: Международные отношения, 2004. С. 112-113.

²⁸ Мамонтов А. Г. Полиция в системе обеспечения правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 172-173.

²⁹ См.: Керимов А. Д., Халипова Е. В. Правомерно ли выделение лишь трех ветвей государственной власти? // Политика и общество. 2012. № 3(87). С. 43-44.

³⁰ Наумов А. В. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2. С. 60.

в том, что законодательно (формально) судебная практика в качестве источника (формы) права в российской правовой системе официально не признается и в связи с этим автоматически в процессе правосудия не легализуется. Однако ее легализация, как и других видов правовой практики, может осуществляться любыми иными способами. При этом важно наличие самой судебной практики и осознания ее ценности субъектами правотворчества для последующего совершенствования официальных источников (форм) права.

Данный тезис можно подтвердить следующими примерами. Так, в постановлении КС РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валугеовой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» содержатся следующие правоустановления. Не соответствующими Конституции РФ были признаны положения ч. 1 ст. 188 УК РФ и ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ. Одновременно КС РФ до внесения в УК РФ и КоАП РФ необходимых изменений установлено, что при оценке стоимости товара, перемещаемого физическим лицом через таможенную границу Российской Федерации и предназначенного для личного пользования, в целях определения в соответствии с положениями ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ наличия состава преступления или административного правонарушения, а также для исчисления размера административного штрафа должна использоваться таможенная стоимость данного товара, а не его рыночная стоимость на территории Российской Федерации, при этом в стоимость товара для указанных целей не должна включаться та часть стоимости перемещаемого товара, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов. Следующим пунктом постановления не соответствующей Конституции РФ признана ч. 4 ст. 4.5 КоАП РФ, в той мере, в какой содержащаяся в ней норма позволяет в случае отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения исчислять срок давности привлечения к административной ответственности со дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. При этом установлено правило, в соответствии с которым давность привлечения

к административной ответственности в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 4.5 КоАП РФ, должна исчисляться со дня совершения (обнаружения) правонарушения, которое позже нашло отражение в нормативном правовом закреплении.

Постановление Пленума ВС РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» не только содержало разъяснения по соответствующим вопросам, но и на время заполнило правовой пробел в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, определив порядок рассмотрения уголовных дел, прекращенных в отношении несовершеннолетних, который затем был закреплен в ст. 427 УПК РФ.

На судебной практике частично основано административное производство по ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ. Статья 20.29 добавлена в КоАП РФ только в 2007 г. и с тех пор существует в неизменном виде. Статья 20.3 претерпела более значительные изменения, начиная от названия и включая содержание.

Касаясь сферы гражданского оборота, упомянем постановление КС РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой». Его особенность составляет то, что, несмотря на то, что оспариваемые нормы были признаны не соответствующими Конституции РФ постольку, поскольку в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими, до соответствующей корректировки законодательства, они подлежали применению в действовавшей редакции.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что судебная практика не только опосредованно влияет на правоприменение в различных отраслях права, но и будучи легализованной — на функционирование правовой системы Российской Федерации в целом. Легализация судебной практики в таких случаях помимо практического значения для правового регулирования несет смысловую нагрузку для восприятия обществом правотворчества в ключе его ценностного наполнения. Судебная практика формируется в условиях строго ритуализированных судебных заседаний, которые создают у его участников «... впечатление причастности к действительному правосудию

как выражению высшей справедливости и справедливому порядку»³¹. В связи с этим создание, изменение или отмена правовых предписаний на основе судебной практики вызывает у участников судебного процесса, результатом которого она явилась, ощущение причастности к правотворчеству.

Еще одним аргументом, свидетельствующим о том, что судебная практика в Российской Федерации легализуется в процессе правотворчества, является ее учет в рамках мониторинга правоприменения. Об этом прямо говорится в п. 5, 6 и 8 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 (далее — Методика). Обобщение, анализ и оценка практики выполнения постановлений и определений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, предусмотренные Методикой, являются само собой разумеющимися, поскольку выполнение таких решений является обязательным, как это было указано выше.

Однако в качестве материала для последующего принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Методика предписывает использовать гораздо более широкий объем судебной практики, в который включаются практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, количество вступивших в законную силу судебных актов об удовлетворении (отказе в удовлетворении) требований заявителей в связи с отношениями, урегулированными нормативным правовым актом, и основания их принятия, а также искажение смысла положений федерального закона и (или) актов Президента РФ, Правительства РФ, а также решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека при принятии нормативного правового акта. Таким образом, сложившаяся судебная практика ложится в основу планирования правотворческой деятельности, а если говорить о последнем блоке, то он и вовсе обязывает разрабатывать нормативные правовые акты в соответствии с судебной практикой.

Таким образом, можно констатировать, что российской правовой системе присущ свой особый механизм легализации судебной практики. Данный механизм является многоступенчатым, поскольку не предполагает наличия у суда правотворческих полномочий, позволяющих ему легализовать им же сформированную правовую практику. Легализация судебной практики

осуществляется только органами государственной власти, являющимися полноправными субъектами правотворчества. При этом сложившаяся система легализации правовой практики никоим образом не умаляет значение правосудия и роли судебной практики для регулирования общественных отношений. Более того, подобное положение дел можно оценить и в плане установления барьеров для возможности «автоматической» легализации «отрицательной» судебной практики в том случае, если бы она становилась источником (формой) права в силу правотворческих полномочий суда. Не ставя под сомнение истинной и значимой роли суда в защите прав и свобод человека и гражданина и обеспечении справедливости, согласимся с тем, что поскольку судебная практика есть разновидность правовой практики, она предполагает возможность субъективного усмотрения, которое может вылиться даже в судебный «произвол».

К сожалению, сегодня даже в развитых демократических правовых государствах встречаются отрицательные явления, заключающиеся во влиянии на правосудие «теневых игроков». Это составляет определенную проблему в плане обеспечения независимости суда и необходимости его защиты, поскольку сопряжено с формированием судебной практики, удобной таким лицам. В этом отношении правовая система Российской Федерации, непосредственно не признающая судебную практику в качестве самостоятельного источника (формы) права имеет свои преимущества. В условиях, когда судебная практика не легализуется автоматически, а может быть учтена только при принятии соответствующего нормативного правового акта, существенно снижается риск наличия правовых предписаний, отвечающих интересам не самых добросовестных социальных акторов. Конечно, это не устраняет проблему лоббирования в правотворчестве вообще, но, по крайней мере, ее минимизирует.

Кроме того, необходимо учитывать, что судебная практика так или иначе формируется в соответствии с установленным в государстве политико-правовым режимом. В Российской Федерации сегодня сформированы самые благоприятные условия для самостоятельного функционирования судебных органов, поскольку сложившийся в ней политико-правовой режим является демократическим. Но такая ситуация наблюдается не во всех государствах — до настоящего времени существуют примеры, когда в условиях тоталитарных или авторитарных режимов судебная власть становится своего рода инструментом для оправдания репрессивной политики.

На основании изложенного сделаем ряд следующих выводов и обобщений.

³¹ Клименко А.И. Религиозно-магическая природа правовой идеологии в контексте ее функциональных характеристик // Пространство и время. 2014. № 4(18) С. 27.

1. В контексте формирования и развития правовой системы государства судебная практика является особым и, пожалуй, наиболее ценным видом правовой практики. Несмотря на то, что судебная практика — это разновидность правоприменения, т.е. результат строго формализованной деятельности судебных органов, содержание такой деятельности и ее влияние на реальную правовую жизнь гораздо шире механической реализации предписаний источников (форм) права. Судебная практика основывается на особом интеллектуальном, в некотором роде творческом подходе к применению правовых норм и правовой коммуникации, т.е. способствует развитию права не только за счет юридических действий.

2. Опосредуя процессуальные правоотношения, судебная практика представляет собой существенный и важный «материал» для последующей легализации, т.е. становления новым источником (формой) права либо отражения в уже существующем, поскольку позволяет не просто выявить интересы и потребности общества, спорные правоотношения, но и предлагает возможность их учета и разрешения.

3. Особенности легализации судебной практики в Российской Федерации обусловлены, в первую очередь, принадлежностью ее к романо-германской (континентальной) правовой семье, в которой основным источником (формой) права является нормативный правовой акт.

4. Являясь частным случаем правоприменения, судебная практика в Российской Федерации занимает значительный объем от всей образующейся правовой практики. Не являясь официальным источником (формой) права, судебная практика оказывает значительное влияние на непосредственную реализацию нормативных правовых актов и повседневную правоприменительную деятельность.

5. Несмотря на то, что решения судебных инстанций всех уровней в Российской Федерации официально не признаются самостоятельным источником (формой права) на законодательном уровне, фактически полномочия судов предполагают возможность издания, изменения либо отмены в установленном порядке нормативных правовых актов. В этом случае судебная практика легализуется иными компетентными органами государственной власти, но именно на основании судебного акта.

6. Отдельное место в судебной практике Российской Федерации занимают постановления Пленума Верховного Суда РФ. Представляя собой толкование действующих правовых предписаний и разъяснения по их применению судами и не затрагивая напрямую вопросы правотворчества, указанные документы так или

иначе создают модели правоприменения, которые затем могут трансформироваться в правовые предписания.

7. Влияние судебной практики на правотворческий процесс в Российской Федерации и возможность ее легализации подтверждается также в рамках мониторинга правоприменения, предполагающего обязательный учет такой практики при подготовке предложений по дополнению либо корректировке действующей системы правовых норм.

Список литературы

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1994.
3. Баглай М.Р. И на «нет» суд есть. Конституционный // РГ. 2001. 29 мая.
4. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М.: Международные отношения, 2004.
5. Войтович Е.П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования: Дисс. канд. юрид. наук. Томск, 2006.
6. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия (Le gardien des promesses justice et democratie). М.: «Nota Bene» Медиа Трейд Компания, 2004.
7. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2012.
8. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права: Дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
9. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. 2016. № 7.
10. Железнова Н.Д. Правопонимание и судебная практика: Теоретические проблемы взаимодействия. Дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.
11. Исаев М.М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВИЮН. М., 1947. Вып. 5.
12. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2008.
13. Керимов Д.А. Толкование законодательства // Право и образование. 2002. № 3.
14. Керимов А.Д., Халипова Е.В. Правомерно ли выделение лишь трех ветвей государственной власти? // Политика и общество. 2012. № 3(87).
15. Клименко А.И. Религиозно-магическая природа правовой идеологии в контексте ее функциональных характеристик // Пространство и время. 2014. № 4(18).
16. Клименко А.И. Основные сегменты в структуре правовой идеологии на национальном и международных уровнях // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6.
17. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017.

18. Колесник И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: Дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015.
19. Корнев А. В. Свобода судебного усмотрения: от прошлого к современности // Юридическая техника. 2011. № 5.
20. Кулик О. В. К вопросу о понятии «легализация правовой практики» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3(39).
21. Курсаев А. В. Уголовно-правовая характеристика способов неуважения к суду (по материалам судебной практики) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6.
22. Лысенко В. А., Крамской И. С., Рязанова Н. А. Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4.
23. Мамонтов А. Г. Полиция в системе обеспечения правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12.
24. Маркин С. В. Судебный прецедент как источник международного частного права. Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград.
25. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Университетский издательский консорциум, 2012.
26. Михайловская И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2008.
27. Наумов А. В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1.
28. Наумов А. В. Юридическая природа и значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ по применению уголовного законодательства // Уголовное право. 2011. № 2.
29. Общая теория государства и права. Академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2007.
30. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 т. СПб., 1909-1910. Т. 1.
31. Правкина И. Н. Правовые стратегии в сфере правосудия // Реформационный романтизм и правовая реальность: к 150-летию введения в действие Судебных уставов Александра II: сборник материалов Первой международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына (13.12.2016) / Под ред. А. Г. Мамонтова, А. И. Клименко, А. Ю. Гарашко. М.: Московский университет МВД России, 2017.
32. Рожнов А. П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права // Вестник ВГУ. 2012. № 1(16).
33. Соловьев В. Ю. Судебная практика в российской правовой системе: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003.
34. Солуков А. А. Законность в советский и постсоветский периоды: сравнительное исследование. Смоленск: Граница, 2016.

Features of the Legalization of Judicial Practice in the Russian Federation

Kulik O. V.,

Leading Expert of the Department of Civil Service
and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Adjunct of the Department of Theory State and Law of Moscow University
Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
E-mail: hoigel@gmail.com

Abstract. *The article reveals the specificity of court practice as a special kind of legal practice and determines its importance for the development of legal systems and law in general. The influence of court practice on lawmaking in various legal systems, including the Russian one, and the implementation of court practice in the relevant sources (forms) of law (legal practice legalization), is analyzed. Based on the analysis, the author draws conclusions about the features and forms of legalization of court practice. Also the powers of judicial and other state bodies that determine their role for the legalization of court practice are examined, on the example of the Russian Federation.*
Keywords: *law, legal regulation, lawmaking, legal practice, court practice, legalization, justice, legal practice legalization, law enforcement.*

References

1. Adygezalova G. E. Sotsiologicheskaya yurisprudentsiya SSHA v XX veke: formirovanie doktriny, razvitie i sovershenstvovanie pravoporyadka. SPb., 2012.
2. Alekseev S. S. Teoriya prava. M., 1994.
3. Baglaj M. R. I na "net" sud est. Konstitutsionnyj // RG. 2001. 29 maya.
4. Vereschagin A. N. Sudebnoe pravotvorchestvo v Rossii. Sravnitelno-pravovye aspekty. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.
5. Vojtovich E. P. Sudebnaya praktika v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: Diss. kand. jurid. nauk. Tomsk, 2006.

6. Garapon A. Khranitel obeschanij: sud i demokratiya (Le gardien des promesses justice et democratie). M.: "Nota Bene" Media Trejd Kompaniya, 2004.
7. Guk P.A. Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoj sisteme Rossii: obscheteoreticheskij analiz. Diss. kand. jurid. nauk. M., 2012.
8. Guk P.A. Sudebnyj pretsedent kak istochnik prava: Diss. kand. jurid. nauk. Saratov, 2002.
9. Guk P.A. Sudebnoe normotvorchestvo: voprosy teorii i praktiki // Lex Russica. 2016. № 7.
10. Zheleznova N.D. Pravoponimanie i sudebnaya praktika: Teoreticheskie problemy vzaimodejstviya. Diss. kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2001.
11. Isaev M.M. Sudebnaya praktika Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR kak istochnik sovetskogo ugolovnogogo prava // Uchenye zapiski VIYUN. M., 1947. Vyp. 5.
12. Kerimov D.A. Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava. M.: Izd-vo SGU, 2008.
13. Kerimov D.A. Tolkovanie zakonodatelstva // Pravo i obrazovanie. 2002. № 3.
14. Kerimov A.D., Khalipova E.V. Pravomerno li vydelenie lish trekh vetvej gosudarstvennoj vlasti? // Politika i obschestvo. 2012. № 3(87).
15. Klimenko A.I. Religiozno-magicheskaya priroda pravovoj ideologii v kontekste ee funktsionalnykh kharakteristik // Prostranstvo i vremya. 2014. № 4(18).
16. Klimenko A.I. Osnovnye segmenty v strukture pravovoj ideologii na natsionalnom i mezhdunarodnykh urovnyakh // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 6.
17. Klimenko A.I. Pravovaya ideologiya sovremennogo politicheskogo organizovannogo obschestva. M.: Norma, 2017.
18. Kolesnik I.V. Teoreticheskaya model pravoprimenitelnoj tekhnologii: Diss. kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2015.
19. Kornev A.V. Svoboda sudebnogo usmotreniya: ot proshlogo k sovremennosti // Yuridicheskaya tekhnika. 2011. № 5.
20. Kulik O.V. K voprosu o ponyatii "legalizatsiya pravovoj praktiki" // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 3(39).
21. Kursaev A.V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika sposobov neuvazheniya k sudu (po materialam sudebnoj praktiki) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 6.
22. Lysenko V.A., Kramskoj I.S., Ryazanova N.A. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2015. № 4.
23. Mamontov A.G. Politsiya v sisteme obespecheniya pravosudiya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 12.
24. Markin S.V. Sudebnyj pretsedent kak istochnik mezhdunarodnogo chastnogo prava. Diss. kand. jurid. nauk. Volgograd.
25. Mark van Khuk. Pravo kak kommunikatsiya / Per. s angl. M.V. Antonova i A.V. Polyakova. SPb.: Izdatelskij dom S.-Peterb. gos. un-ta, Universitetskij izdatelskij konsortsium, 2012.
26. Mikhajlovskaya I.B. Sudy i sudi: nezavisimost i upravlyaemost. M., 2008.
27. Naumov A.V. Sudebnyj pretsedent kak istochnik ugolovnogogo prava // Rossijskaya yustitsiya. 1994. № 1.
28. Naumov A.V. Yuridicheskaya priroda i znachenie postanovlenij Plenuma Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu ugolovnogogo zakonodatelstva // Ugolovnoe pravo. 2011. № 2.
29. Obschaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs. V 3 t. / Otv. red. M.N. Marchenko. M., 2007.
30. Petrazhitskij L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. V 2 t. SPb., 1909-1910. T. 1.
31. Pravkina I.N. Pravovye strategii v sfere pravosudiya // Reformatsionnyj romantizm i pravovaya realnost: k 150-letiyu vvedeniya v dejstvie Sudebnykh ustavov Aleksandra II: sbornik materialov Pervoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyaschennoj pamyati professora V.M. Kuritsyna (13.12.2016) / Pod red. A.G. Mamontova, A.I. Klimenko, A.Yu. Garashko. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2017.
32. Rozhnov A.P. K voprosu o priznanii sudebnoj praktiki yuridicheskim istochnikom ugolovnogogo prava // Vestnik VGU. 2012. № 1(16).
33. Solovev V.Yu. Sudebnaya praktika v rossijskoj pravovoj sisteme: Diss. kand. jurid. nauk. M., 2003.
34. Solukov A.A. Zakonnost v sovetskij i postsovetskij periody: sravnitelnoe issledovanie. Smolensk: Granitsa, 2016.